

Глава 15. Зловещая картина (часть 15)

Цзян Ехун вернулся в комнату, надеясь досмотреть прерванный сон, но стоило ему сомкнуть веки, как петух во дворе задрал голову и во всю глотку заорал свою утреннюю песнь. Эта скотина явно задалась целью изводить хозяина каждое божье утро. Сонливость мгновенно сменилась яростью: он решил, что сегодня этот пернатый наглец наконец получит по заслугам.

Наскоро одевшись, он засучил рукава. В сердце кипела решимость: пора было раз и навсегда выяснить, кто в этом доме настоящий хозяин, и выдрать пару перьев из наглого хвоста.

Жун Жо тем временем рассыпал во дворе зерно. Красный петух, гордо вытянув шею, приготовился к завтраку. Он выскочил на крыльцо с таким видом, будто собирался на смертный бой.

— Еще рано, старший брат Чу, — мягко заметил Жун Жо. — Может, поспишь еще немного?

— Да какой тут сон! Каждый раз, когда я решаю выспаться, эта тварь начинает свои вопли. Сегодня я ему покажу, кто здесь главный.

Завидев решительный настрой хозяина, петух ничуть не испугался. Напротив, он словно принял вызов: выпятил грудь и сердито заскреб когтями по земле.

— Видишь? Видишь?! — вскипел он. — Он меня провоцирует! Сегодня из этой битвы выйдет только один победитель!

Жун Жо крепче сжал метлу, не зная, смеяться ему или плакать. Редко увидишь человека, который всерьез затевает дуэль с домашней птицей.

Он принял боевую стойку. Каждое утро, испорченное этим кукареканьем, теперь взывало к отмщению. Петух, впрочем, не заставил себя ждать: пригнулся к земле, захлопал крыльями и бросился в атаку с такой яростью, какой не постыдился бы и матёрый разбойник.

В детстве Цзяна сильно поклевал соседский петух, и этот детский страх, видимо, оказался сильнее мастерства великого воина. Пусть он был непобедим в поединках с мастерами боевых искусств, перед этим пернатым демоном он испугался. Не дожидаясь удара клюва, он одним прыжком взлетел на крышу.

— Ты у меня еще дождешься! — в ярости прошипел он, глядя на врага сверху вниз.

Петух победно захлопал крыльями и издал громкое «ку-ка-ре-ку», всем своим видом выказывая презрение. Он в досаде поскреб затылок. Позор — и только! Дать себя запугать какой-то птице и прыгать по крышам, точно испуганный кот...

Наблюдая за этой нелепой сценой, Жун Жо не смог сдержать улыбки. Закончив уборку во дворе, он принялся разводить огонь на кухне. Несмотря на то что юность он провел в весёлых кварталах, готовил он отменно. Ему казалось, что даже обычная белая каша в его исполнении становилась изысканным деликатесом.

Прислонившись к дверному косяку, Цзян наблюдал за тем, как ловко и ладно Жун Жо справляется с кухонными делами. В голову вновь закралась невольная мысль: «Будь он девушкой, я бы на нем женился, не раздумывая». Он мгновенно покраснел. О чем он вообще думает?!

На завтрак были пышные паровые булочки, каша и пара закусок. Стол выглядел настолько аппетитно, что он невольно залюбовался. С тех пор как Жун Жо поселился у него, завтраки превратились в настоящий пир.

Жун Жо коснулся своего лица.

— Старший брат Чу, почему ты так на меня смотришь? У меня что-то на лице?

Цзян покраснел до самых корней волос. Он поспешно запихнул в рот кусок булочки и тут же поперхнулся. Жун Жо мгновенно подал ему воды. Осушив чашку, Цзян наконец перевел дух, гадая, не так ли он задохнулся в той своей прошлой смерти три года назад, когда подавился орехом.

— Ешь медленнее, — Жун Жо мягко похлопал его по спине.

Цзян Ехун чувствовал, как краснеет, но решил, что Жун Жо примет это за последствия удушья.

— Пустяки, я буду осторожнее. Ты тоже ешь, не смотри на меня.

Цзян подложил Жун Жо закуски и краем глаза заметил его улыбку — Жун смотрел с сияющим взглядом, точно тихая весенняя заводь. Как у мужчины может быть такой нежный взгляд? Он поспешно уткнулся в свою миску с кашей.

К вечеру ловцы из Люшаньмэнь переоделись в траурные одежды. Три похоронные процессии одновременно двинулись в сторону деревни Девяти Семей. Впереди каждой шел человек в ритуальной маске со знаменем для призыва душ, выкрикивая заклинания и исполняя странный, ломаный танец.

Цзян Ехун и Жун Жо следовали позади. Они ехали на одной лошади, и он, чувствуя спиной тепло чужого тела, ощущал странное смятение.

— Что это за люди впереди, поют и пляшут?

— По обычаям деревни Девяти Семей, — пояснил Жун Жо, — души тех, кто погиб вдали от дома без ясной причины, нужно призвать и направить. Жители боятся, что дух не найдет дорогу к могилам предков, поэтому кто-то из семьи должен нести знамя и указывать путь.

— Глупости всё это, — проворчал он. — Пустая трата сил. Умер человек — и нет его, к чему эти пляски с бубном?

Жун Жо лишь тихо рассмеялся.

— В каждом краю свои порядки, тут уж ничего не поделаешь.

Процессия двигалась быстро и достигла деревни к полуночи. Он уже всю зевал от усталости. Пришлых распределили по домам, а родственников погибших, согласно ритуалу, отправили в храм предков читать поминальные молитвы.

— Ну и мороки с ними, — пожаловался он, потирая глаза.

— Старший брат Чу, посмотри, — Жун Жо указал на дома. — Знамен для призыва душ стало вдвое меньше, чем когда мы уезжали.

Он пересчитал их.

— И правда. Что это значит?

— Если верить описаниям обрядов, они выбирают по восемь юношей и девушек в качестве кандидатов. Затем, по тени от солнечных часов утром и вечером, определяют окончательных «посланников Лунного божества». Юноши должны быть рождены в месяц Ян, а девушки — в месяц Инь, чтобы соблюсти баланс.

— Опять эта чертовщина, — выругался он. — Обирают людей, прикрываясь богами.

— Жители сейчас заняты похоронами тех троих, — вкратце предложил Жун Жо. — Самое время заглянуть в дома, где еще висят знамена.

— Умно. Идем. Только тихо, чтобы не засекали.

Они подошли к ближайшему дому со знаменем. Стена была невысокой, и он без труда заглянул во двор. В это время деревня казалась вымершей — во всех окнах было темно.

— Странно. Такое чувство, что во всей деревне свет горит только в храме предков.

Жун Жо прижался к нему.

— По записям, в дни выбора посланников все обязаны ложиться спать до полуночи. Считается, что бодрствующие могут потревожить Лунное божество и навлечь беду.

— Что это за бог такой, от которого веет могильным холодом? — прошептал он.

В этот момент дверь одного из домов приоткрылась. Мужчина осторожно выглянул, оглядел двор, затем вышел за калитку и проверил улицу. Убедившись, что всё чисто, он вернулся и вывел молодую девушку с узлом вещей за плечами. Очевидно, они пытались бежать.

Цзян Ехун и Жун Жо затаились. Тот прильнул к его спине, и того вновь обдало жаром. Он никак не мог понять, почему так странно реагирует на каждое прикосновение юноши.

Беглецы бросились прочь из деревни, но у самого края их окружили крепкие тени. У них не было факелов, они действовали в полной тишине.

— Сяо Юй, беги! — закричал мужчина, но тут же рухнул на землю, оглушенный ударом тяжелой палки.

Девушка побледнела от ужаса.

— Брат!..

Она попыталась скрыться, но куда там — мужчины быстро настигли её и, схватив за волосы, потащили обратно. Беглецов связали и бросили в какой-то заброшенный сарай. Несмотря на крики девушки, ни в одном доме не зажегся свет. Никто не вышел, никто не посмел даже выглянуть.

Цзян Ехуна пробрал холодок. Что это за место такое? Жун Жо коснулся его рукава:

— Старший брат Чу, давай проверим того мужчину.

Цзян Ехун втихомолку вынес пленника за пределы деревни. Жун Жо нажал на нужные точки на его шее, и тот с судорожным вдохом пришел в себя. Он тут же зажал ему рот ладонью.

— Тише! Не шуми.

Мужчина с налитыми кровью глазами испуганно закивал. Он отпустил его.

— Как тебя зовут?

Мужчина рухнул на колени, принимаясь неистово бить поклоны.

— Господин, молю вас! Меня зовут Ван Дун. Спасите Сяо Юй! Ей всего шестнадцать... Мы рано остались без родителей, она у меня единственная... Нельзя, чтобы она...

Он присел перед ним на корточки.

— Рассказывай всё по порядку. В чем дело?

Ван Дун вытер слезы рукавом.

— Сяо Юй выбрали посланницей бога. Я не могу позволить им отрубить ей голову и выпустить кровь! Господин, она же еще совсем ребенок!

Он замер, не веря своим ушам.

— Отрубить голову?

— Вы не знаете... — голос Ван Дуна дрожал. — У нас в деревне есть тайный обряд. Каждые пять лет проводят великое жертвоприношение Лунному божеству. Выбирают четыре пары «посланников»... Это было всегда, сколько я себя помню. В детстве я не понимал, что происходит. Соседские мальчишки и девчонки просто исчезали, а старики говорили, что они вознеслись на небо, чтобы служить богу. Пока однажды я сам не увидел...

Ван Дун затрясся всем телом, вспоминая ужас, пережитый в четырнадцать лет. Той ночью он заблудился в горах из-за густого тумана. Он собирался переждать до рассвета, когда увидел вдали огни факелов. Сначала он обрадовался, но, присмотревшись, понял, что люди одеты в черные ритуальные мантии и белые маски проводников душ. Четыре пары юношей и девушек, одетых в яркие одежды из перьев, несли на гору связанными.

Ван Дун знал, что это обряд жертвоприношения, но почему те, кому выпала «великая честь», плакали от ужаса? Любопытство победило страх, и он последовал за ними по длинной, извилистой тропе, которая казалась дорогой в самую преисподнюю.

Наконец он увидел свет. На широком алтаре стоял огромный бронзовый треножник. Посланников заставили опуститься на колени. Люди в масках начали свой жуткий танец — факелы в их руках метались в темноте, а лики на масках казались живыми и яростными. За алтарем, на самой скале, было выбито гигантское изображение двуликого божества.

Затем Ван Дун увидел, как жрецы вскинули ножи. Словно на плахе палача, клинки взлетели и опустились. Головы одна за другой покатались к подножию треножника. Кровь из обезглавленных тел фонтанами ударила вверх, заполняя ритуальные желоба на алтаре. Маски вновь пустились в пляс. Ван Дун рухнул на землю, лишившись чувств, и лишь спустя долгое время нашел в себе силы бежать от этого кошмара.

<http://bllate.org/book/17428/1657632>